

Франциска ФУРТАЙ / Francisca FOORTAI

| «Смотрите, кто ушёл!» Честер Беннингтон как медиа-герой нашего времени / «Look who's gone!» Chester Bennington as a media hero of our time |

Франциска ФУРТАЙ / Francisca FOORTAI

*Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия
Профессор, доктор искусствоведения
Член Союза художников РФ**Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia
Doctor of Arts, Professor
Member of the Union Artists of Russia
ira_oza@msn.com***«СМОТРИТЕ, КТО УШЁЛ!»
ЧЕСТЕР БЕННИНГТОН КАК МЕДИА-ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ**

Статья посвящена памяти выдающегося американского рок-музыканта, певца, поэта, благотворителя, фронтмена группы Линкин Парк – Честера Чарльза Беннингтона. Текст представляет собой первую попытку рассмотрения феномена творчества и личности Беннингтона как медиа-героя глобального масштаба, эстетически, ментально и этически влиявшего на душевное самочувствие нескольких поколений в первые два десятилетия нового века. Используя фрагменты из потока комментариев в Сети на уход музыканта, автор анализирует некоторые смысловые блоки этих посланий, выявляя в них функциональные и типологические совпадения с героями из традиционных мифов. В частности, анализ некоторых смысловых блоков интертекста на уход Честера Беннингтона, позволяет утверждать, что аналогично героям традиционных мифов, Честер как медиа-герой выполнял патерналистскую и сотериологическую функции, выступал как объект адорации (кумир), являлся образцом для подражания, его уход обозначил у миллионов поклонников ментальные ощущения хода времени.

Также, в статье была сделана попытка выделить специфические черты медиа-героя, которые обусловлены особой сферой его существования, а именно – медиареальности.

Короткая, исполненная невероятных поворотов, упорного труда, вредных трагических страстей, любви и сострадания судьба Честера Беннингтона уже при жизни стала обретать леген-

дарные черты. В мировой медиа-среде есть награды, которые подобно наградам трехкратным олимпийским победителям античности называют «иконочными», которые воспринимаются в качестве неподражаемого образа, то есть, в массовом сознании эта награда выполняет функцию фиксации совершенства, идеала – это, по-существу, «канонизация» образа медиа-Героя. Такой иконой («rock sound icon») современной медиареальности в конце жизненного пути предстал Честер Чарльз Беннингтон.

Ключевые слова: Честер Беннингтон, медиа-герой, миф, медиареальность, адоративная функция, сотериологическая функция, симилярная функция, квазикульт, рок-культура, асцентарный / десцентарный герой, интертекст, медиа-массы, герой, народная религиозность.

**«LOOK WHO'S GONE!»
CHESTER BENNINGTON AS A MEDIA
HERO OF OUR TIME**

The article is devoted to the memory of the outstanding American rock musician, singer, poet, charity man, front man of Linkin Park – Chester Charles Bennington. The text is the first attempt to consider the phenomenon of creativity and personality of Bennington as a media hero on a global scale, aesthetically, mentally and ethically influenced on the mental health of several generations in the first two

Франциска ФУРТАЙ/ Francиска FOORTAI

| «Смотрите, кто ушёл!» Честер Беннингтон как медиа-герой нашего времени / «Look who's gone!» Chester Bennington as a media hero of our time |

decades of the new century. Using the fragments from the huge stream of comments in the Network for the musician's departure, the author analyzes some semantic blocks of these messages, revealing in them functional and typological coincidences with the heroes from traditional myths. In particular, the analysis of some semantic blocks of intertext on the death of Chester Bennington, suggests that similar to the heroes of traditional myths, Chester as a media hero performed paternalistic and soteriological functions, acted as an object of adoration (idol), was a role model, his departure marked for millions of fans keen sense of the passage of time.

Also in the article, an attempt was made to identify the specific features of the media hero, which are due to the special sphere of its existence, namely, media reality.

Short, full of incredible turns, hard work, harmful tragic passions, love and compassion, the fate of Chester Bennington during his life began to acquire legendary features. In the world media environment there are awards, which are called «iconic» like the awards of three Olympic winners of antiquity, which are perceived as an inimitable image, that is, in the mass consciousness, this award performs the function of fixing perfection, ideal-is, in fact, «canonization» of the image of the media Hero. Such icon («rock sound icon») of modern media reality at the end of life's journey appeared Chester Charles Bennington.

Key words: Chester Bennington, a Media Hero, Myth, Hero, Media Reality, Function of Adoration, Soteriological Function, Similar Function, Quasicult, Rock-Culture, Ascendes /Discendes Hero, Intertext, Media Mass, People's Religiosity.

Этот выпуск журнала относится к тем редким случаям в его истории, когда он посвящён не только отдельной теме, но и конкретному человеку – Честеру Беннингтону (Chester Bennington, 1976-2017), чья жизнь и внезапный уход, явились причиной размышлений о Герое как культурном явлении. Невозможно экспериментальным путём точно измерить масштаб личности, однако в самом процессе этих измерений есть нечто похожее на закон гидростатики, открытый ещё Архимедом, в котором масса тела определяется количеством вытесненной им воды. Аналогично, масштаб личности можно «измерить» объёмом пустоты, которая возникает в социуме после ухода этой личности. В эпоху существования культуры, воспроизводившей сущности и смыслы, уход, отсутствие героя облекались в безмолвие (вспоминаются предсмерт-

ные слова принца Гамлета: «дальнейшее – молчание»).

«Народ безмолвствует...» – всем известны эти пушкинские строки из трагедии «Борис Годунов». Действительно, тысячелетиями те, кого называли «homo simplex et idiota» («человек простой и необразованный»), «подлым сословием», то есть народные массы были «молчаливыми». Тому было несколько причин. Во-первых, подавляющее большинство тех, кто работал на земле и занимался ремёслами были неграмотными, во-вторых, не было средств коммуникации, которые позволяли бы быстро и от многих источников собирать и распространять информацию о событии, явлении или чьих-то мнениях. В-третьих, античный или средневековый социум функционировали в системе объектно-смысловых иерархий и ручных технологий и не испытывали необ-

Франциска ФУРТАЙ/ Francisca FOORTAI

| «Смотрите, кто ушёл!» Честер Беннингтон как медиа-герой нашего времени / «Look who's gone!» Chester Bennington as a media hero of our time |

ходимости в знании индивидуальных эмоций и мнений. Однако в условиях новой «системы вещей»¹, – при которой (по замечанию Валерия Савчука) «...новые технологии и порождаемая ими медиареальность не только становятся самостоятельным, но и единственным, или, усилив тезис, онтологическим условием существования человека. Они уже не являются техническими посредниками, транслирующими нечто, что в них самих отсутствует, что только через них передается, проходит, но сами предстают всепоглощающей и всеохватывающей средой, то есть реальностью опыта и сознания»² – зияющая пустота, оставшаяся после ухода Героя, генерирует информационный поток особого свойства, который призван заполнить или, по крайней мере, дать ощущение заполнения возникшей пустоты.

Современное интернет-пространство, как новейшую и существенную часть медиареальности, можно сравнить с зеркалом, поставленным перед миллионами обитателей планеты, в котором отражаются не лица, а жизнь общечеловеческой души с её радостями, переживаниями, любовью и ненавистью, в условиях информационной цивилизации это действительно территория «опыта и сознания».

«Мыслитель должен мгновенно отвечать на поставленные вопросы и принимать решение, а прежде удовлетворявшие нас теории ... более не в состоянии нам помочь» – это весьма категоричное высказывание профессо-

ра Норберта Больца приводит в одной из своих работ В. Савчук³. Несмотря на такие пожелания, представляется всё же, что в настоящее время научное сообщество ещё недостаточно пристально всматривается в этот почти стихийный океан частных комментариев. А между тем, именно в них сегодня фиксируется ментальный пласт ускользающей повседневности, обыденности (*vita quotidiana*), важность которой подчёркивали и деятели школы «Анналов», и Мартин Хайдеггер. Именно в них отражается новая общепланетарная цифровая «народная» культура. Именно этот океан мировой души выносит на свой гигантский гребень настоящих «народных» героев. Уход Честера Беннингтона поднял не волну – огромный вал комментариев прокатился по мировой Сети. Из соединённых мною совершенно свободно отдельных фраз из этих посланий, сложился текст, который можно было бы назвать монологом и который в унисон произносят миллионы (метафизическое действо!), а в контексте эстетики постмодерна – это, в сущности, интертекст, чья целостность держится на смысловом и эмоциональном сопряжении фрагментов разных текстов, рождённых в разное время и в различных местах. Вот фрагмент этого многоголосого текста: «Весь мир замолк, Земля остановилась... Честер был моим другом (хотя он и не знал об этом), частью моей жизни... голос Честера казался нереальным, а клип - фантастическим... И когда 21 июля, на столбе в центре города, я увидела портрет Честера с чёрной лентой, я поняла, насколько он был великим... Великий, Невероятный, Самый Потрясающий... Бог посредством его, лечил нас его голосом, этими песнями, этими

³ Там же.

¹ Аллюзия на название одной из ранних работ Ж. Бодрийяра. *Le system des objets* (Система вещей), Paris, 1968.

² Валерий Савчук. Неизбежность медиафилософии. [Электронный ресурс] / URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/savchuk_i_nevitability/ Дата обращения: 16.06.2018

Франциска ФУРТАЙ/ Francisca FOORTAI

| «Смотрите, кто ушёл!» Честер Беннингтон как медиа-герой нашего времени / «Look who's gone!» Chester Bennington as a media hero of our time |

смыслами, этими звуковыми волнами, этими криками.

Наверно, поэтому мы его так любим и считаем родным, что он полностью понимал нас, и мы находили часть себя в его мягких нотах и расщепляющихся криках... Удивительно то, как человек такой далекий от нас и незнакомый, но почему-то его смерть просто «убила» наповал. Как будто родственника потеряли... Бесконечно и бесконечно скорблю по тебе брат! Добрейшей души человек, не понятный нами... Смотри сколько людей страдают по тебе... Невыносимая боль... Благодаря таким исполнителям еще веришь, что не все так плохо в этом мире и хорошие люди еще есть... Честер-легенда! Очень не хватает его всем нам, он был более чем нормальным человеком, добрым, отзывчивым! Душа у него ранена была жестокостью общества и мира...

Никакая слава, деньги не смогут сделать человека счастливым, если в душе у него творится хаос. Покойся с миром, прости всех нас, ты ушел и оставил частичку себя в сердце... Он был очень сильная личность, наверное, даже сам об этом не подозревал... Люди, он помогал миллионам своими песнями... Я плачу, но это не поможет горю... Покойся с миром, легенда.... У Честера было практически всё! Слава, деньги и десятки миллионов фанатов по всему миру! Чего у него не было - дружбы. Искренней дружбы и понимания. ... Честер, ты всегда был достоин этих выкриков и восхищения... Такое ощущение, что сиротами остались не б детей, а всё поколение 90-х годов, т.е. миллионы! .... Глядя на все мемориалы в честь Честера, я вижу толпы потерянных одиноких людей, с большой неизлечимой раной внутри. ...Честер, Честер... Люблю его

бесконечно! ... Это что ж за масштаб личности, что до сих пор не отпускает? ... Два дня ревел как девчонка, просматривая новости и слушая его песни, тот самый момент, когда понимаешь, что уходят лучшие люди на земле, и они тебе ближе, чем всякие г..., которые тебя окружают каждый день, и живут очень долго. ... Такое ощущение что я его знал лично и очень хорошо! Многих из нас ты спас своими песнями... Ты ж меня от суицида в начале двухтысячных спас. Ты и твоё творчество. А тут такое. ... Плачу наедине, 27-летний мужик... Очень тяжело, ведь целый кусок из жизни вырвал... Он был для меня духовным наставником. ...Честер стал Голосом Нового времени – разлома между веками и тысячелетиями. ...Он был слишком хорош для этого мира».

В-сущности, перед нами «болтовня» обычного человека, в которой звучат голоса времени и пространства, различный жизненный и культурный опыт, то есть (не побоюсь этого слова) голос Бытия. Но не того отвлечённого, космически-холодного, абстрактного бытия, а живого и трепещущего бытия здесь-и-сейчас, которое пытается вопрошать себя о себе. Это, то о чём в своё время писал один из великих мыслителей XX века – Мартин Хайдеггер: «Такое сущее, которое мы сами есть и которое, между прочим, обладает бытийной возможностью вопрошать, мы терминологически схватываем как здесь-бытие (*Dasein*)»⁴. В фокусе вопрошания *Dasein* находится антропологический вопрос, вопрос о Человеке, в данном случае о человеке весьма конкретном – Честере Беннингтоне.

⁴ Хайдеггер Мартин. Работы и размышления разных лет. М.: Гносис. 1993. С. 317.

Франциска ФУРТАЙ/ Francisca FOORTAI

| «Смотрите, кто ушёл!» Честер Беннингтон как медиа-герой нашего времени / «Look who's gone!» Chester Bennington as a media hero of our time |

Здесь, этим, на первый взгляд, незатейливым интертекстом в явной форме поставлен вопрос о бытии, с точки зрения его понимания, постижения смысла, вопрошания о нём! *Именно потому, что вопрошание есть модус бытия, удостоверяющий бытие того, кто вопрошает – именно это свидетельствует о том, что бывшее «молчаливое большинство» вышло из ноуменального пласта потаенного бытия и обрело и свой голос, и свой язык.*

Если в этом контуре *Dasein`a*, в его вопрошающем потоке выделить основные смысловые блоки, то предстанет следующая картина:

- слёзы, боль, скорбь, потеря;
- сиротами осталось поколение 90-х годов, т.е. миллионы;
- Честер – часть души и кусок жизни;
- Честер лечил и спасал своими песнями и дарил радость и позитив, духовный наставник;
- он был нормальным человеком, добрым, отзывчивым, добрейшей души человек, он был слишком хорош для этого мира;
- Почему суицид? Не верю, что суицид, убийство;
- Буду помнить и любить вечно;
- Земля остановилась, весь мир замолк;
- Легенда, Кумир, Наша Жизнь, Человек, Певец;
- Голос времени разлома между веками и тысячелетиями.

Проблема взаимодействия героя вообще (и героя из медиареальности в частности) с субъектами хотя и существует несколько десятилетий и постоянно привлекает к себе исследователей⁵, в силу своей динамичности и

⁵ См. работы: Ю. Мисимы, Ю. Китаёмы, Б. Казенса, Н. Коупленда, С. Кука, Д' Арну, М. Shermer,

сложности далека от полного и всеобъемлющего понимания и, безусловно, превосходит формат статьи. Тем не менее, анализ некоторых смысловых блоков из ментального потока медиарефлексии масс может приблизить к пониманию этого нового глобального явления – медиа-героя.

Для объективности анализа мы не будем априори присваивать Честеру Беннингтону звание Героя, но воспользуемся советом весьма достойного источника, а именно евангельским постулатом: *«по плодам их узнаете их»*⁶.

Первый смысловой поток связан с эмоциональным фоном, это чувства, которые испытывают миллионы людей одновременно и в определённый, ограниченный отрезок времени. Это переживания боли, скорби, потери. Учитывая, что комментарии с одинаковой эмоциональной окраской в первые месяцы после ухода Честера Беннингтона появлялись в разных странах, то масштаб скорби и боли можно охарактеризовать как общепланетарный, выразившийся и в стихийных митингах, и в памятных акциях, и в народных мемориалах. В исторической ретроспективе этот образ всеобщей печали можно сравнить со скорбящим Хором в греческих трагедиях. Сравнение усиливается тем фактом, что в день смерти Честера Беннингтона толпы, стихийно собиравшиеся у посольств и консульств США, пели песни Линкин Парк, уподобляясь античному Хору, оплакивающему гибель героя. Так скорбят о тех, чья жизнь и деяния были значимы для многих и многих людей.

Хотя человечество давно уже прошло стадию больших родовых семей, повторяюща-

A. Schuller, T. Jackson, D. H. Nexon, Th. A. Georges etc.

⁶ Евангелие от Матфея 7:16.

Франциска ФУРТАЙ/ Franciska FOORTAI

| «Смотрите, кто ушёл!» Честер Беннингтон как медиа-герой нашего времени / «Look who's gone!» Chester Bennington as a media hero of our time |

яся в комментариях мысль о сиротстве целого поколения указывает на не исчезнувшую потребность современного человека в метафизическом патернализме, (вспоминается памятный всем, кто жил в СССР, «отец народов»), потребность в некоем высшем покровителе, который поможет в трудную минуту и будет всегда рядом. Приходящий на помощь через различные гаджеты голос Честера выполнял функции такого вездесущего патрона. Хотя источник этого голоса был невидим для миллионов фанатов, но время от времени он «расширялся» новыми песнями, альбомами, концертами, видео, что давало ощущение его присутствия и сопровождения жизни этих самых миллионов. С уходом Беннингтона голос, оставшийся на технических носителях, уже не сможет «расширяться» в будущее за счёт новых треков, следовательно, рождается ментальное ощущение удалённости во времени, которое будет только нарастать. Отсюда и переживание состояния сиротства, когда голос патрона уже «не живёт» вместе с его слушателями-подопечными.

Мысль о том, что Честер – кусок жизни миллионов и голос времени нового тысячелетия, очень часто повторяется в виртуальном море комментариев на эти трагические события. На протяжении семнадцати лет песни, исполненные Честером Беннингтоном, музыка Линкин Парк сопровождали миллионы их читателей, связывая перемены в их жизнях с новыми альбомами, новым звуком, настроением, поэтическими образами, вплетаясь в событийный ряд каждой отдельной судьбы. Наверное, многомиллионному отряду фанатов Линкин Парк, семнадцать лет их пребывания на вершине музыкального Олимпа теперь кажутся своеобразной «la Belle Epoque», когда на

концертах, специальных встречах для поклонников счастливицы могли дотянуться, коснуться, сфотографироваться со своими кумирами. Но главное – в это время звучал голос Честера – в наушниках, компьютере, на after-party, в головах и сердцах фанатов. После ухода Беннингтона, когда приходит осознание того, что всего этого больше не будет, что что-то ушло безвозвратно, ко всем приходит острое чувство *времени*, его ход в прямом смысле визуализируется на глазах. Переживание хода времени – это первое качество присутствия героя. Его приход и уход всегда сопровождается ощущением начала и конца временного периода (Св. Франциск, Пушкин, Наполеон, Ленин, Шекспир etc.) – приход-уход любого героя, в любой сфере бытия всегда отмечает какой-то новый период в развитии, т.е. делает видимым «ход времени».

Одна из самых настойчиво повторяющихся мыслей в комментариях – это утверждение целительной и спасительной роли творчества Честера Беннингтона, которое для многих было путеводной звездой надежды. Его трагический жизненный путь, наполненный социальной и экзистенциальной маргинальностью и опасностями, тем не менее, не помешавший ему достичь любви, славы и богатства, через сознательную/подсознательную экстраполяцию у миллионов поклонников музыканта рождал чувство оптимизма и радости, что им хватит сил изменить и свою судьбу к лучшему. Голос Честера (согласно многим комментариям) выступал как инструмент спасения от депрессии и смерти, являлся источником позитива.

Таким образом, на основании анализа первых четырёх смысловых потоков комментариев совершенно явственно проступают та-

Франциска ФУРТАЙ/ Francisca FOORTAI

| «Смотрите, кто ушёл!» Честер Беннингтон как медиа-герой нашего времени / «Look who's gone!» Chester Bennington as a media hero of our time |

кие характеристики «деяний» Честера Беннингтона как *спасение и защита (при жизни) и скорбь, ментальное сиротство и острое чувство хода времени (после смерти)*.

Почти в каждом втором комментарии встречались мысли, обобщить которые можно фразой «*Буду помнить и любить вечно*». Такие заявления в начале XXI века, после нескольких сексуальных революций выглядят, по меньшей мере, анахронизмом. Весьма странны заявления о «вечной любви» не к конкретному человеку, с которым, по крайней мере, знаком, а к тому, кто живёт за океаном, кого видел всего пару часов или совсем не видел воочию, о чьих личных качествах известно немного, и, всё же, миллионы фанатов по всему миру повторяли эту мысль в своих комментариях и их любовь воплощалась в названии улиц, концертах, мемориалах, многочисленных музыкальных трибьютах, документальных фильмах, флешмобах, журналах, посвящённых памяти Честера Беннингтона. Совершенно очевидно, что физический, сексуальный аспект такой массовой любви исключён и её целью не является создание семьи. Тогда, чем же вызвано и на что направлено это бестелесное, бескорыстное чувство миллионов? Размышляя о сущности любви масс, невозможно не вспомнить строки средневекового сирийского поэта Абу аль-Маари: «Всё что случается, поистине похоже – на то, что видел мир, когда он был моложе!»

О недостижимой любви, в которой нет места физическому влечению и сексу, а есть только восхищение и любимый *образ*, который живёт, прежде всего, в памяти, т.е. в голове, знали ещё в античном мире. Эти представления нашли своё литературное воплощение в одном из самых поэтичных мифов древней

Эллады – мифе о Дафне и Аполлоне. Память о недостижимой любви к нимфе этот солнечный бог в буквальном смысле носил на голове в виде лаврового венка. Позже такую бестелесную любовь стали называть платонической (что странно, ведь известны педерастические наклонности Платона). Но, именно Платон в своем сочинении-диалоге «Пир» изложил рассуждения по поводу идеальной, сугубо духовной любви устами одного из героев этого диалога – Павсания. Платон в монологе этого героя пытается найти основания для такой любви в мифологических представлениях той эпохи. Так в главе шестой, Павсаний утверждает: «*Афродиты две, то и Эротов должно быть два. А этих богинь, конечно же, две: старшая, что без матери, дочь Урана, которую мы и называем поэтому небесной, и младшая, дочь Дионы и Зевса, которую мы именуем пошлой. Но из этого следует, что и Эротов, сопутствующих обеим Афродитам, надо именовать соответственно небесным и пошлым. Хвалить следует, конечно, всех богов, но я попытаюсь определить свойства, доставшиеся в удел каждому из этих двоих*»⁷. Далее идут рассуждения о том, что первый вид любви не имеет ничего, кроме влечения к красивому телу с целью физического наслаждения и дальнейшего продолжения рода. Тогда как высшая любовь, хотя и может начинаться с восхищения внешними чертами, но постепенно она превращается в возвышенное чувство – любовь высшей степени, направленной на созерцание красоты и совершенства.

Идея высшей любви была весьма созвучна ригористическому настрою средневе-

⁷Платон. Пир. // [Электронный ресурс] / URL: <http://lib.ru/POEEAST/PLATO/pir.txt> // Дата обращения 25.05.2018.

Франциска ФУРТАЙ/ Francisca FOORTAI

| «Смотрите, кто ушёл!» Честер Беннингтон как медиа-герой нашего времени / «Look who's gone!» Chester Bennington as a media hero of our time |

ковой теоцентрической культуры. Так как источником любви объявлялся Бог, то и все представители горнего, божественного мира являлись манифестантами такой высшей созерцательной любви. *Amour de longue* – «далёкая любовь» – так трубадуры Прованса называли возвышенное, не телесное чувство, например, рыцаря к Пресвятой Деве или в реалиях более материальных – к Прекрасной Даме⁸. Иногда такая любовь была действительно «далёкой» из-за большого расстояния между влюблёнными или жизненных коллизий, разрушить которые было невозможно. В отсутствие встреч общение происходило посредством рыцарских подвигов, поэтических посвящений, обмена письмами. Можно сказать, что «далёкая любовь» – это, своего рода, эпистолярный роман (чем не современные комментарии фанатов?).

Представления о возвышенной любви имели место и на средневековом Ближнем Востоке, например, в эзотерическом направлении в исламе – суфизме. Теорию платонической любви развивает и один из гуманистов эпохи Возрождения, глава флорентийской академии Марсилио Фичино, который определил любовь такого рода как индивидуальную особенность человека, которая в дальнейшем ведет его ду-

шу к высшим духовным ценностям и, как результат, к идее о рае.

В свете такой исторической ретроспективы ясно, что любовь фанатов к Честеру Беннингтону не является чем-то новым и доселе невиданным. Однако, если в античную эпоху платоническая любовь имела своей целью и собственное совершенство, и созерцание красоты чистых идей (эйдосов), а в Средние века и в эпоху Возрождения означала устремлённость человеческой души к высшим духовным ценностям и божественному миру, то какие цели преследует и что означает «*amour de longue*» современных фанатов?

Нельзя не видеть, что в современных социокультурных условиях некоторые художественные явления выполняют религиозные (скорее, квазирелигиозные) задачи. В то же время нельзя не замечать, что в современных условиях традиционное богословие и христианская религиозность уже не претендуют на роль объединяющего языка современной культуры, как это было, например, в период средневековья и не в религиозной сфере рождаются популярные герои современности. Если учесть, что искусство сакрально в своём генезисе, и с первых шагов своего исторического бытия выступало как «транслятор» религиозных концептов в мир культурных феноменов, то оно оказалось вполне способно взять на себя определённую часть общения современной культуры с Богом, т.е. искусство взяло на себя некоторые религиозные функции. Вот воспоминания, принадлежащие лидеру ирландской рок-группы Боно: *«В двенадцать лет я был фанатом царя Давида... так же как звезда поп музыки, он мог показаться близким и доступным. Слова псалмов столь же поэтичны, сколь и религиозны, а сам Давид, несомненно,*

⁸ Интересно, что в готическую эпоху эти понятия сблизились. Так, рыцарь с восторгом и чувством поклонения относился к предмету своей любви, посвящая даме «подвиги», а Святую Деву называли «Наша Дама» (Notre Dame) и часто она выступала объектом любовных переживаний. Много историй подобного рода приводит поэт, компилятор и церковный деятель XIII века Готье де Куинси (Gautier de Coinci) в книге «Жизнь и чудеса Богоматери» (*La vie et Les Miracles de Notre Dame*), составленной монастырским приором в середине XIII века.

Франциска ФУРТАЙ/ Francisca FOORTAI

| «Смотрите, кто ушёл!» Честер Беннингтон как медиа-герой нашего времени / «Look who's gone!» Chester Bennington as a media hero of our time |

был звездой. Его образ полон драматизма... Ему пришлось отправиться в изгнание... Именно тогда Давид написал свой псалом – песню тоски, свой блюз. Я слышу отзвуки этой священной перепалки, когда Роберт Джонсон, певец блюзов и отнюдь не праведник, истошно воет от боли, исполняя «За мной по следу сатана» или, когда ... Тексас Александр подражает псалму в своём «Блюзе Справедливости» - «Тут я вскричал, Господь, отец, ох царствие твоё...»⁹. «Именно религией можно назвать всё происходящее в рамках рок-группы и это существование отнюдь не псевдо-религия. Индустрия развлечений, шоу-бизнес – это шаманство: музыка в ней не что иное, как отправление культа, обряда... Лишь бы дым при этом вздымался до небес... аж до Бога»¹⁰. Такое восприятие современного искусства характерно не только для лидера «Ю-2» Боно, но и для другой знаковой фигуры современной художественной культуры – Ника Кейва. Он писал: «Не могу не вспомнить картины Холмэна Ханта, что изображает Христа, облачённого в мантию, грустного и прекрасного, со светильником в руке»¹¹. «Христос, как мне стало казаться, стал жертвой полной неспособности человечества к творческому воображению, полному отсутствию у людей фантазии. Он освободит нас, наше воображение, наше творческое начало, чтобы мы могли воспарить»¹². Атмосфера на рок-концертах весьма специфична – это смесь восторга и поклонения, это нечто большее, чем развлечение, фанаты относятся к своим куми-

рам с почти религиозным трепетом. Не случайно, некоторые коллективы зовут культовыми, что напрямую коррелирует с понятием культа, ритуала, и, следовательно, можно вести речь о каких-то новых формах религиозного сознания, не связанных с традиционным пониманием религиозного. Одним из проявлений этой «народной» религиозности является чувство любви, обожания объекта поклонения.

В таком квазирелигиозном контексте повторяющееся утверждение «вечной любви» к Честеру предстают как проявление современного культа, в основании которого лежат не религиозные догмы (среди фанатов есть люди разных конфессий), а, прежде всего, эстетическое и этические начала. Соответственно, весь огромный вал проектов, акций, событий, связанных с почитанием Честера Беннингтона можно рассматривать как жертвоприношение своему кумиру. Когда фанаты пишут о своей любви к певцу, то здесь важно прилагательное «вечная», которое этимологически связано с понятиями бессмертия, сверхчеловеческого, божественного. Если ещё упомянуть тот факт, что в день похорон как дань памяти Беннингтону в некоторых церквях Европы колокола отбивали известный хит Линкин Парк «Numb», и уже при жизни Честера называли кумиром, легендой и иногда изображали на фотоколлажах с ангельскими крыльями, то здесь уже прямо присутствуют элементы сближения медиа-героя с традиционным пониманием героя в мифе как субъекта, имеющего связь с божественным миром.

Мифологический герой, пожалуй, – древнейший персонаж мирового искусства, сущностно представлял собой двуприродное явление, в котором наиболее ярко соединяется высшая (божественная, духовная) природа и

⁹ Откровения. Ред. Р. Холлуэй. Пер.с англ. В. Болотникова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2009. С. 170.

¹⁰ Там же. С. 170-176.

¹¹ Там же. С. 278.

¹² Там же. С. 284.

Франциска ФУРТАЙ/ Francisca FOORTAI

| «Смотрите, кто ушёл!» Честер Беннингтон как медиа-герой нашего времени / «Look who's gone!» Chester Bennington as a media hero of our time |

материальная, в каком-то смысле, это – сверх-человек. Да и само слово «герой» (hero) происходит от древнего индоевропейского корня «hier, hr, her», объединяющее его с такими понятиями как «hierarhia, haute, high» – «иерархия, высота, верх», здесь открывается древнейший смысл слова. Герой – это тот, кто послан «сверху», тот, кто объединял все миры – от божественного верха до посмертного мрака. Герой – это «связка» миров в единое мироздание, и в этом смысле явление героя для древних было не только глубоко религиозным явлением, но и имевшим важный мировоззренческий посыл. Так как мифологический герой был человекобогом, то человеческое начало в нём способствовало тому, что именно он был защитником людей, их спасителем – от Прометеев до Христа. Героям как своим защитникам и спасителям поклонялись также, как и богам, то есть налицо отражение двух важнейших функций героев мифа – сотериологической (спасительной) и адоративной (поклонение).

Однако уже в период классической античности появляется другой вид героев. К первой, древнейшей группе – это так называемые *десцентарные персонажи*, (от латинского «descendes» – «нисходящий») – т.е. к образам богов и полубогов-героев, как бы снизошедших с небес к людям, и остававшихся в их мире в виде идолов-кукол, живописных изображений и других художественных образов, стал добавляться другой удивительный отряд героев-асцентариев. *Асцентарные герои* (от латинского «ascendes» – «восходящий»)¹³ – это те,

кто был рождён не работой религиозного сознания, это реальные люди, кого сочли достойными того, чтобы стать персонажами произведений искусства (от скульптуры до театра и кино) и, следовательно, в итоге остаться в исторической памяти цивилизации, то есть получить бессмертие, а значит сравниться с богами мифов и легенд.

Но кто мог быть достойным попадания в корпус асцентарных героев? Ещё Платон и Аристотель размышляли в своих трактатах о тех качествах человека, которые могли сделать из него героя, полагая его идеалом, воплощавшим лучшие из известных человеческих добродетелей. В античности, это были, прежде всего, атлеты, являвшие собой для древних внешнее телесное совершенство, и великие деятели искусства, в первую очередь, поэты. Наконец, среди асцентарных героев можно найти и таких, кто не выделялся внешним совершенством как олимпийские и не был знаменит как великие поэты. Критерий «асцентарности», т.е. возможности трансформации реальной исторической личности в архетипический бессмертный (художественный) образ, был достаточно чётко сформулирован Плинием Старшим в 34 книге «Естественной истории», где он писал: *«Изображения людей обычно делали лишь за какое-нибудь блистательное дело, заслуживавшее увековечения, вначале за победу на священных состязаниях, особенно в Олимпии.... Не знаю, не тираноубийцам ли Гармодию и Аристогитону самым первым афиняне поставили статуи от имени государства. ...Этому примеру затем последовал весь мир из самого человеческого честолюбия, и на форумах всех муниципиев статуи*

родный журнал исследований культуры. Танатос и культура. №1 (22), 2016. С. 179-188.

¹³ Термины предложены автором данного текста (Ф. Фуртай). Впервые эта терминология появилась в статье «Мужество» как путь к бессмертию: к проблеме визуализации архетипа мужества в античной скульптуре времён классики // Междуна-

Франциска ФУРТАЙ/ Francisca FOORTAI

| «Смотрите, кто ушёл!» Честер Беннингтон как медиа-герой нашего времени / «Look who's gone!» Chester Bennington as a media hero of our time |

стали украшением, стала продлеваться память о людях, и их заслугах, для того чтобы о них читали в веках...»¹⁴.

При сравнении, на первый взгляд, «странно сопоставимого», а именно мифологического героя-десцента, античного асцента и современного медиа-героя, в частности, в лице Честера Беннингтона, отчётливо видны типологические совпадения: с десцентом в сотериологической и адоративной функции (защита, спасение и поклонение), а с асцентом в самом генезисе героя, т.е. «восхождении» от безвестности посредством «доблестных дел» (в случае с Беннингтоном это художественные достижения) к славе (глобальной памяти) и любви миллионов.

Однако глобальные информационные сети, медиареальность придали герою и ряд новых черт, не свойственных традиционным мифологическим и историческим героям.

1. Медиареальность как социокультурное явление, хотя и вербализируется на ведущих языках планеты, однако, не идентифицируется в этнокультурном плане как это было с героями древности от Гесэра до короля Артура. Соответственно, и её субъект – медиа-герой, как правило, явление наднациональное, т.е. метакультурное, он не обладает сакральностью и выступает в качестве объекта квазикульта, как правило этико-эстетического плана. Медиа-герой идентифицируется как «свой» за счёт эстетических, смысловых, поведенческих характеристик, т.е. через апелляцию к реципиентам на уровне общечеловеческих архетипов.

¹⁴ Плиний Старший. Естественная история Кн.34 IX, 17 // Плиний Старший. Естествознание: Об искусстве. / Пер. Г. А. Тароняна. (Серия «Античная классика»). М.: Ладомир, 1994. С. 54, 78.

2. Формирование информационной цивилизации породило и иной вид элиты. Как отмечал в своей ставшей широко известной работе К. Лэш: «*Прежние богачи жили, как правило, оседло и не забывали о своей местной общине, в рамках которой ощущали себя такими же гражданами, как и все прочие; разве что «первыми среди равных». А люди, причастные к малопонятной рядовым американцам «информационной экономике», ведут полукочевой образ жизни и даже селятся как бы колониями – среди подобных себе и более или менее изолированно от прочих. Психологически они нигде не «прописаны» и ощущают себя скорее «гражданами мира», чем гражданами своей страны. И развлекаются они по-своему, в особых, недоступных другим развеселых местах...Элиты, определяющие повестку дня, утратили точку соприкосновения с народом»¹⁵. В этом плане музыкант, скорее, являл собой исключение. Честер Беннингтон, в социальном плане относясь к медиа-элите, своим образом жизни, манерой поведения и личностными качествами, среди которых наиболее часто упоминали (не только фанаты, но и коллеги по музыкальному цеху) – скромность, отзывчивость, сострадание, доброту – в глазах миллионов по всему миру представлял понятным, родным и близким. Для элиты его поведенческая необычность в воспоминаниях знавших его, часто выражалась фразой: «он был слишком хорош для этого мира».*

3. Традиционные герои, как правило, являлись носителями наилучших человеческих качеств. В конце 90-х годов IV века до Р.Х. Платон создаёт диалог «Лакет», в котором пытается выявить те качества, которые должны

¹⁵ Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос-Прогресс, 2002, С. 220.

Франциска ФУРТАЙ/ Francisca FOORTAI

| «Смотрите, кто ушёл!» Честер Беннингтон как медиа-герой нашего времени / «Look who's gone!» Chester Bennington as a media hero of our time |

быть присущи человеку и которые будут способствовать доблестным деяниям с тем, чтобы остаться в памяти, стать героем. Качества традиционного героя выступали неким эталоном личностных качеств, которые должны воспитываться в молодом поколении (в этом отражалась так называемая симилярная, т.е. подражательная функция героя). В случае с Беннингтоном симилярная составляющая также была представлена достаточно ярко. Однако в отличие от подражания традиционным героям в этическом плане оно носило здесь двойной характер – не только в плане борьбы с вредными пристрастиями (алкоголь, наркомания) и за психическое здоровье, но и в плане «иконическом», т.е. в подражании стилю одежды, причёсок, аксессуаров, татуировок. В этом явлении явно просматривается специфика современных машинных технологий, когда образ Беннингтона выступает как некий образец, с которого «штампуются» внешне похожие подобию.

В отличие от традиционных героев, которые демонстрировали выдающиеся положительные качества, образ Честера Беннингтона более сложен, противоречив, отражает в себе, как неприглядные черты нашего времени, так и лучшие качества человеческой природы, в каком-то смысле он являл собой этического амбивалента, хотя и в разные периоды своей жизни.

Анализ некоторых смысловых блоков интертекста, созданного на основе фанатских комментариев на уход Честера Беннингтона, позволяет утверждать, что аналогично героям традиционных мифов, медиа-образ Честера Беннингтона выполнял патерналистскую и сотериологическую функции, выступал как объект адорации, представлял как образец для подражания, его уход вызвал у миллионов поклонников ментальные ощущения хода времени.

Сама его короткая, исполненная невероятных поворотов, упорного труда, вредных трагических пристрастий, любви и сострадания жизнь стала обретать легендарные черты. В мировой медиа-среде есть награды, которые подобно наградам трехкратным олимпийским победителям античности называют «иконическими». Этими наградами отмечаются если не самые выдающиеся представители современного искусства, то, безусловно, самые знаковые (они же персонажи глобального медиа-пространства), признаваемые совершенством в своей области, воспринимающиеся в качестве неподражаемого образа. В массовом сознании эта награда выполняет функцию фиксации «идеала» – это, по существу, «канонизация» образа медиа-героя. Такой иконой или «rock sound icon» современной медиареальности в конце жизненного пути стал Честер Чарльз Беннингтон.

